

Домовой / рассказ

Category: Некаўалар, Кітарсу

напісана кітарсу | 24 января, 2025

Домовой / рассказ ДОМОВОЙ

...- Да как же, Астафий Иванович, ты, {Далее было начато: домового} такой храбрый человек, домового видел?.. Что ж это, брат, за история?

– То есть видеть-то, но правде, не видал, сударь, – заметил Астафий Иванович, поставив свой стакан на стол и утерев платком нот с лица. – Глаз человеческий его никогда не увидит, как старые бабы да кучера-мошенники говорят; а слышать слышал его. Проказил, сударь, и он надо мной.

– Да что ты, не смеешься, Астафий Иванович; после твоего уж и я, пожалуй, начну домовым верить.

– Какой тут смех, сударь, – отвечал улыбнувшись Астафий Иванович. – А впрочем, история была совсем не смешливая. Это было, сударь, лет тому десять, а может и боле, назад. Я еще был молоденок. Случись, сударь, мне на одном месте заболеть. Я тогда на фабрике жил, экономским помощником. Ну, и вышел в больницу. Лежал я там месяца три; да наскучило. Как стал мало-мальски оправляться, прикинулся совсем здоровым, лекаря обманул и выписался. Сунулся было на фабрику; а фабрика-то и сгори без меня; только черные стены нашел; да и фабрикант в Москву на целый год выехал. Ну, места нет. Сосчитался с деньжонками – вижу, с бережью еще на три месяца хватит. Да руки есть, думаю; начну-ка платье на господ чиновников строить. Да не расчелся я хорошо. Время-то {Далее было начато; судар<ь>} было на ту пору раннее, весеннее, холодное. Ветры дули такие, – ну, известно, Петербург! А я вдобавок совсем еще нездоров, еле на ногах стою. Думаю: угораздит еще меня как-нибудь простудиться; вот одолжусь-то! Хорошо еще, что одежда была знатная, теплая. Бараний тулуп славный был; это Эмиль Вильмович, братец хозяйской, когда еще из Саратова приезжали, мне подарили. Наконец отыскал квартиренку, в Коломне нашел. Смотрю: указывает дворник в деревянной избушке, в светелке,

наверху, угол, говорит, отдается. Э, говорю, да тут и приют нашинскому человеку, особенно как в кармане {Далее было начато: пусто} дыра завелась. Вхожу: квартира вся из одной комнаты, и живут в ней хозяева, муж да жена, да детей человек пять небось, – всё мал мала меньше. Мне-то за перегородкой пришлось. Начал толковать с хозяином да вижу: чудной такой, словно не понимает меня. Я к хозяйке: и та тоже женщина {Далее было начато: простая} совсем простая, невинная; так на вид лет тридцати пяти будет. Сдала мне угол, т. е. всё, {Было: всю} что было комнаты за перегородкой, и лежанка {Было: печка} тут, и за всё за это два с полтиной в месяц пришлось. Знато, думаю, и переехал.

Весь-то следующий день я на лежанке лежал, совсем разломало, и уж бредить начал, и как будто впросонках слышу, что в хозяйской комнате делается. А доселева я и разглядеть моих хозяев не успел хорошенько. {Вместо: не успел хорошенько – было: хорошенько не мог} И узнал в тот день спросонья, что дети больны, что дворник за квартиру деньги спрашивать приходил да что есть какой-то Клим Федорыч, благодетельный человек. На второе утро вышел я дельце справить одно. Ан тот Федорович, {Было: Прохор Степанович} княжеский камардин, место обещались найти; {Далее было: справиться} приказал побывать к себе справиться. Уж я, сударь, шел назад по Сенной, как вдруг, вижу, человек подле меня бежит, увязался за мной. И такой странный человек: длинный сам такой, нескладный, сухой и, несмотря на дождь и время холодное, в одном фраке идет и со мной всё говорит, да такое нескладное, что я и понять не могу. Спрашиваю, чего тебе, добрый человек? Смотрю ему в лицо, да ба! что-то знакомое и недавнушко видел. Глаза у него красные, заплывшие, пухлые, наветрило в них, губа нижняя толстая, отвислая – такой глупый вид!.. Ах, думаю, вспомнил, да ведь это хозяин мой новый, вот не узнал. Начал я его допрашивать – ну, ничего не понимаю; догадался только, что он в Медицинскую академию, что ли, куда-то ходил, что глаза у него разболелись, что шинель он с плеч среди бела дня потерял да что Клим Федорович бумагу дать изволили. Смотрю, наконец: совсем

шатается, идти не может, бедный человек; а увязался за мной затем, что меня признал. Довел я его; жена так и ахнула. Уж он больной совсем, обессилен и говорить здраво не может, одурел совсем. Положили мы его под образа. Он всё стонет да кричит про Клим Федорыча.

И узнал я, сударь, потом от хозяйки всю их историю. Жили они до тех пор в Обломове-городе, губернском. Он-то в писцах, что ли, был каких, – растолковать мне она не умела хорошо. Только узнал, что до четырнадцатого дослужился и пошел по своим делам. Честный человек и способный, да глупый, и она тоже, на него глядя, глупая; детей у них куча – а не удаётся ничего, хоть ты тресни поди. То есть вот как, сударь: поступил он на контору какую-то. А с конторы-то н пропади две тысячи рублей. Начали его таскать, да вор отыскался; отпустили. Только, говорят, такого конторщика, {Далее было: нам} что воровству попускает быть, не нужно. Он, сударь, мыкался-мыкался, на другую контору поступил, и трех недель не прошло – хозяина-купца под суд взяли. Ну, и контора разрушилась. Он к другим: его гонят. Вы-де с хозяином, верно, вместе мошенничали. А злы все были на того купца: всех утеснял, благо, богат слишком был. Он туды да сюды – и взяли его в деревню, в приказчики, – малолетних каких-то наследство. Да в первый год половина вотчины {Было: деревни} и погори. Ну, говорят, не надо тебя, коль такому {Было: тому} быть попустил. Ну, что делать человеку; он было на службу опять; а там начальство переменилось, на прежнее ревизор донес; стали всё новые люди. Нет, говорят, знать, и ты человек подозрительный, да и мест таких нету, куда тебя посадить. Ну, погибать совсем приходится; только... Некаýаlar